

Голодные земли

Эвелин Торн

Эвелин Торн
Голодные земли

«Автор»

2026

Торн Э.

Голодные земли / Э. Торн — «Автор», 2026

В мире, где вода дороже золота, Марлоу Эшфорд прячет карту с координатами последнего источника. За ней охотится человек, контролирующий всю воду в округе. Он посылает наёмника Дэйна Данна, чтобы тот вошёл в доверие и уничтожил её. Но когда Дэйн находит Марлоу, он не может выполнить приказ. Теперь их двое против пустоши, общего врага и чувства, которое оба поклялись не испытывать.

© Торн Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эвелин Торн

Голодные земли

«Надежда — это колодец в пустоши. Кажется, что он пуст. Но если копнуть глубже — найдёшь воду».

Эвелин Торн

Глава 1

Солнце висело над пустошью, как раскалённый обруч. Даже ветер, который обычно приносил хотя бы видимость прохлады, сегодня не шевелил ни песка, ни сухой травы, ни лоскутов выцветшей ткани, что были натянуты между шестами вокруг лагеря. Воздух стоял плотный, пропитанный пылью и запахом нагретого металла, и дышалось так, будто в лёгкие засыпали горячую золу.

Марлоу стояла у северного входа, прикрыв глаза ладонью, и смотрела на горизонт. Там, за дрожащим маревом, лежали земли, из которых мало кто возвращался. Она знала это по рассказам, по обломкам чужих повозок, что находили у старых дорог, по костям, которые белели в песке, как напоминание: пустошь не прощает ошибок. Пустошь вообще ничего не прощает.

— Ты опять тут стоишь, — раздался за спиной хриловатый голос.

Марлоу не обернулась. По звуку шагов и по запаху табака, смешанного с потом, она и так знала, кто подошёл.

— Кто-то должен смотреть, — ответила она.

— Смотреть не значит стоять на самом солнцепёке, — Томас остановился рядом, тяжело дыша. Ему было за пятьдесят, и каждый год в пустоши оставлял на его лице новые морщины, как зарубки на старом дереве. — Загон для коз ты вчера достроила?

— Достроила.

— А резервуары проверила?

— Проверила.

— И что?

— Песок набился. Фильтры чистить надо.

Томас сплюнул в пыль, вытер рот ладонью.

— У нас всё как всегда, — произнёс он с той мрачной усмешкой, которая заменяла ему смех. — Воды на три дня, жратвы на неделю, а людей в три раза больше, чем колодцев.

Марлоу наконец повернулась. Томас был не просто старейшиной — он был тем, кто держал лагерь в кулаке, когда все остальные готовы были сдаться. Она уважала его, хоть и не всегда соглашалась. Он смотрел на неё сейчас так, будто ждал, что она предложит какое-то чудо. Но чуда у неё не было. Была только карта, спрятанная в потайном кармане, и страх, что кто-нибудь о ней узнает.

— Будем жить на том, что есть, — сказала она.

— Жить на том, что есть, — повторил он. — Красиво звучит. Только вот дети не понимают красивых слов, когда пить хотят.

Он развернулся и пошёл вдоль ограды, оставив её одну. Марлоу снова перевела взгляд на пустошь. Она не сказала Томасу про карту. Не потому что не доверяла. А потому что знала: если люди узнают, что есть источник, они бросятся к нему толпой, и тогда их перестреляют ещё по дороге. Сначала нужно было всё спланировать. Тихо. Без шума.

День тянулся, как смола. Марлоу обошла лагерь, проверила запасы, поговорила с женщинами, которые стирали бинты в солёной воде, и с детьми, которые бегали между палатками,

несмотря на жару. Она раздала несколько порций лекарственного отвара, осмотрела старика, у которого опять начался жар, и вычистила песок из ловушек для воды. К вечеру ноги гудели, а во рту пересохло так, что язык казался куском коры.

К вечеру, когда солнце наконец начало сползать к горизонту и тени стали длиннее, со стороны восточной ограды раздался крик.

Марлоу сорвалась с места, не раздумывая. Бежала между палатками, перепрыгивая через натянутые верёвки и разбросанный скарб. Сердце бухало где-то в горле. У ограды уже собралась небольшая толпа: несколько мужчин с оружием, женщины, дети, которые лезли вперёд, чтобы посмотреть. Расступились, пропуская её.

На земле, в паре метров от столбов, лежал человек.

Он был без куртки, в рваной рубахе, с засохшей кровью на боку. Лицо обожжено солнцем, губы потрескались, волосы в пыли. Марлоу опустилась рядом, нащупала пульс — слабый, но ровный.

— Живой, — произнесла она.

— Это ещё что за зверь? — спросил кто-то.

— Откуда он взялся?

— Может, подосланный?

Гвалт нарастал. Марлоу подняла голову и обвела всех взглядом.

— Если он подосланный, то ему не повезло: он почти сдох, — произнесла она. — Помогите перенести его ко мне. Или стойте и дальше, как стадо.

Мужчины зашевелились. Раненого подняли, понесли. Марлоу шла впереди, указывая дорогу к своему шатру, где она обычно принимала больных. Пахло травами, йодом и старой тканью. Она велела положить его на топчан и ушла за водой, слыша, как за спиной снова шепчутся.

— Здоровый, жилистый, — заметил Томас, появившись у входа. — Ты уверена?

Марлоу смочила тряпку, провела по лицу незнакомца, смывая пыль.

— Нет.

— Тогда зачем помогаешь?

— Потому что если не помогу — он умрёт. А я не хочу брать на себя ещё одну смерть. Томас помолчал, глядя на незнакомца.

— Ладно. Но я приставлю к нему охрану. И если он дёрнется — пеняй на себя.

Он вышел. Марлоу осталась одна. Она осторожно разрешила рубаху, обнажая рану. Рваная, глубокая, но не смертельная. Похоже, его чем-то полоснули, и он потерял много крови. Она начала обрабатывать края, слыша, как незнакомец что-то бормочет сквозь зубы.

— Дэйн... меня зовут Дэйн...

Голос был хриплым, сломанным. Марлоу замерла, но потом продолжила.

— Дэйн, — повторила она. — Будешь жить, Дэйн.

Он открыл глаза.

И Марлоу впервые увидела их цвет: серые, как пепел, но с холодным, почти неживым блеском. Он смотрел на неё несколько секунд, будто пытаясь понять, где находится, а потом снова провалился в беспамятство.

Она отшатнулась, чувствуя, как сердце сбивается с ритма.

Что-то в его взгляде было не так. Что-то, чего она не могла объяснить.

Марлоу вытерла руки, подошла к выходу из шатра и вгляделась в темноту, где за оградой снова шумел ветер.

Она не верила в знаки. Но этой ночью ей впервые показалось, что пустошь прислала к ней не просто раненого. Пустошь прислала ей чужую тайну. И тайна эта только начинала дышать.

Глава 2

Ночь опустилась на лагерь быстро, как это всегда бывает в пустоши: только что небо было серым от пыли, и вот уже темнота накрыла палатки, ограду, редкие костры, вокруг которых сидели люди, вглядываясь в огонь. Марлоу не спала. Она сидела у входа в свой шатёр, обхватив колени руками, и слушала, как за стенкой дышит раненый. Дыхание было неровным, но не лихорадочным, и это успокаивало. Она вытащила из кармана флягу, сделала глоток, но вода была тёплой и пахла песком.

Томас сдержал слово: у шатра стоял парень по имени Мика, тощий, но жилистый, с ружьём, которое казалось слишком большим для него. Он то и дело зевал, приваливаясь спиной к ограде, и Марлоу слышала, как он вполголоса разговаривает сам с собой, чтобы не уснуть.

— Иди поспи, — сказала она, выходя к нему. — Я посторожу.

Мика покачал головой.

— Томас велел не уходить.

— Я не говорю уходить. Я говорю — поспи час. Если что, я тебя позову.

Он колебался, потом кивнул, пристроился на старом одеяле у стены и почти сразу провалился в сон. Марлоу снова села у входа, подтянув ноги к груди. В лагере было тихо, только где-то далеко выла собака, да ветер гонял по земле сухие колючки. Она думала о том, что будет завтра. О том, что вода заканчивается, а старый колодец на северной окраине даёт всё меньше. О том, что люди начинают шептаться: пора уходить, искать новое место. Она знала, что новое место есть. Знала, где оно. Но молчала.

Раненый заворочался. Марлоу поднялась, откинула полог и вошла. Внутри было душно, пахло кровью и травами. Она наклонилась над ним, коснулась лба — горячий, но не раскалённый. Он снова что-то пробормотал, и на этот раз она разобрала слово.

— Вода...

Марлоу смочила тряпку, приложила к его губам. Он приоткрыл рот, сделал слабое движение. Она дала ему немного воды, стараясь не пролить. Он сглотнул, веки дрогнули, но не открылись.

— Тише, — произнесла она. — Ты в безопасности.

Он не ответил. Только дыхание стало ровнее. Марлоу ещё немного посидела рядом, вглядываясь в его лицо: резкие черты, заросшие щетиной скулы, тёмные брови. Руки у него были в старых шрамах, на костяшках — свежие ссадины. Так бывает у тех, кто недавно отбивался или полз по камням. Она накрыла его одеялом и вышла.

Утром лагерь ожил рано. Проснулись дети, заплакал младенец, где-то застучали по железу — чинили бак для воды. Марлоу успела обойти больных, раздать отвар женщине с больным животом и осмотреть мальчика, который порезал ногу о ржавый лист. Когда она вернулась к шатру, Мика уже не спал. Он сидел на том же месте, сжимая ружьё, и выглядел виноватым.

— Я всё-таки уснул, — признался он.

— Я знаю, — ответила Марлоу. — Иди поешь. Дальше я сама.

Мика ушёл, а она вошла внутрь. Раненый лежал с открытыми глазами. Он смотрел в потолок, и взгляд его был пустым, как у человека, который ещё не до конца понял, где находится. Марлоу остановилась у входа.

— Ты очнулся, — произнесла она.

Он медленно повернул голову. Серые глаза, которые вчера так испугали её, теперь казались просто уставшими.

— Где я? — голос был хриплым, словно он долго не говорил.

— В лагере. У восточной ограды. Тебя нашли без сознания.

Он нахмурился, будто пытался вспомнить. Потом прикрыл глаза.

— Меня зовут Дэйн, — сказал он.

— Я помню. Ты повторял это во сне.

Он снова посмотрел на неё.

— Ты лечишь меня?

— Пытаюсь.

— Спасибо.

Это слово прозвучало неожиданно, и Марлоу не сразу нашлась, что ответить. Она кивнула, подошла, поправила повязку. Он не дёргался, не стонал, только смотрел, как она работает. В этом взгляде не было ни страха, ни настороженности, но было что-то другое — внимание. Цепкое, как у человека, который привык запоминать детали.

Она почувствовала, как он изучает её, и на мгновение ей стало не по себе. Но уже в следующий миг он отвёл глаза.

— Ты давно здесь? — спросил он.

— В лагере? Давно.

— А откуда ты?

Марлоу чуть помедлила.

— Я здесь выросла. Раньше на востоке было поселение. Потом его сожгли.

Он не стал расспрашивать дальше. Только кивнул и снова закрыл глаза. Марлоу закончила с повязкой, вытерла руки и вышла.

День прошёл в работе. Она помогала чинить фильтры, распределяла воду, следила, чтобы никто не брал лишнего. Томас несколько раз проходил мимо шатра, бросал на неё короткие взгляды, но ничего не говорил. К вечеру Марлоу снова заглянула к раненому. Он спал, и его лицо во сне было спокойным, почти детским. Она постояла у входа, потом вышла, плотно задернув полог.

Уже темнело, когда она села у костра с чашкой травяного отвара. Рядом опустился Томас, закурил самодельную сигарету.

— Ну что с ним? — спросил он.

— Жить будет. Рана не смертельная.

— Что-нибудь рассказал?

— Имя. Дэйн. Говорит, его ограбили.

Томас затаился, выпустил дым в сторону.

— Значит, ограбили, — повторил он. — Ладно. Пусть оклемается. А там решим, что с ним делать.

Марлоу промолчала. Она смотрела на огонь и думала о том, что раненый назвал имя, но не назвал, откуда шёл. И не спросил, далеко ли до ближайшего колодца. Обычный человек, которого ограбили и бросили умирать, обязательно спросил бы. А он не спросил.

Но вслух она ничего не сказала. Просто допила отвар и отправилась к себе, чтобы хоть немного поспать. Утро в пустоши начинается рано, и лишний час сна здесь ценится не меньше воды.

Глава 3

Раненый пошёл на поправку удивительно быстро. Уже на четвёртый день он смог подняться, а к концу недели сам выходил к костру и сидел там, глядя на пламя, пока остальные занимались своими делами. Он держался особняком, не набивался в разговоры, но и не избегал людей. Если его спрашивали — отвечал коротко, по делу. Если звали помочь — не отказывался, но и не навязывался. Марлоу наблюдала за ним со стороны, отмечая, как он двигается: экономно, без суеты, словно каждое движение давалось ему нелегко и он привык беречь силы.

— Ты всё ещё за ним следишь, — заметила однажды Рут, женщина лет сорока, которая помогала Марлоу с больными.

— Просто присматриваюсь, — ответила та, не отрываясь от перевязки.

— Ну-ну, — Рут усмехнулась, но развивать тему не стала.

В лагере и без того хватало забот. Запасы воды таяли, и Томас с каждым днём становился мрачнее. Колодец на северной окраине давал всё меньше, и воду приходилось цедить буквально по кружкам. Люди роптали. Кто-то предлагал уходить дальше, кто-то — отправить разведку к старым башням, о которых ходили слухи. Но Марлоу знала: без карты и без точных ориентиров идти в пустошь — верная смерть. Поэтому она молчала, хотя с каждым днём всё труднее было смотреть на детей, у которых от жажды трескались губы.

В один из вечеров Дэйн подошёл к ней сам.

Он увидел её у шатра. Она сидела на перевернутом ящике, перебирая сухие травы для отвара, и вид у неё был усталый, но сосредоточенный. Ему вдруг захотелось подойти не потому, что нужно было поговорить о воде, а просто чтобы побыть рядом. Он отогнал эту мысль, но ноги уже сами несли его к ней.

— Можно с тобой поговорить? — спросил он, остановившись в паре шагов.

Марлоу подняла голову.

— Говори.

Он опустился на корточки, сложив руки перед собой. Выглядел спокойно, но что-то в его позе показалось ей слишком собранным для человека, который едва оправился от раны.

— Я слышал, у вас проблемы с водой.

— И что?

— Я знаю, где можно найти воду. Недалеко отсюда.

Марлоу насторожилась.

— И откуда ты это знаешь?

— Я шёл с востока. Там, за старым руслом, есть место, где вода поднимается к поверхности. Люди просто не знают, как до неё добраться.

— Почему же ты сам не добрался?

— Потому что меня подстрелили по дороге, — ответил он ровно.

Она долго смотрела на него, пытаясь понять, врёт он или нет. Лицо его было серьёзным, без тени насмешки.

— И что ты хочешь? — спросила она наконец.

— Ничего. Просто отдаю долг за то, что меня выходили.

Марлоу отложила травы.

— Это решает Томас. Я с ним поговорю.

Он кивнул и поднялся. Уже отойдя на несколько шагов, обернулся.

— Спасибо, что не выгнали, — произнёс он тихо и скрылся за палатками.

На следующий день Марлоу рассказала Томасу о предложении. Тот выслушал, долго молчал, потом сплюнул в пыль.

— Может, он правду говорит, а может, заманивает. Но терять нам уже почти нечего. Возьму пару человек и пойду с ним.

— Я пойду тоже, — сказала Марлоу.

— Зачем?

— Я знаю те места лучше всех. И если он что-то скрывает, мне будет проще заметить. Томас нехотя согласился.

Выход назначили на следующее утро. Дэйн, узнав, что с ним идёт Марлоу, ничем не выдал своих чувств, только коротко кивнул. Она заметила, что он снова стал прежним: молчаливым, сосредоточенным, с тем самым цепким взглядом, который она впервые увидела у его постели. Но теперь этот взгляд не пугал. Скорее, заставлял её держаться настороже.

Ночь перед выходом Марлоу почти не спала. Она проверила фляги, пересчитала бинты, сложила в мешок сухие травы и пару ножей. Потом села у окна, глядя на тёмную громаду пустоши, и попыталась представить, что ждёт их за оградой. Ветер гнал по земле колючки, и они цеплялись за шесты, как чужие пальцы.

Она не знала, можно ли доверять Дэйну. Но знала, что если он лжёт, то первым об этом пожалеет. Потому что в пустоши, где каждый шаг может стать последним, предателей не прощают. А она давно разучилась прощать.

Глава 4

Вышли затемно, когда небо только начало сереть у самого горизонта, а воздух был ещё по-ночному колючим. Марлоу стояла у восточной ограды, поправляя лямки мешка, и смотрела, как Томас в последний раз проверяет оружие. Рядом переминался с ноги на ногу Мика, которого старейшина всё-таки взял с собой, несмотря на его молодость и вечно сонный вид. Чуть поодаль, у самых ворот, стоял Дэйн. Он был собран и молчалив, и в его позе не чувствовалось ни волнения, ни усталости — только спокойная готовность, от которой Марлоу снова стало не по себе.

— Значит, так, — произнёс Томас, не поднимая головы. — Идём к старому руслу. Если через два дня не найдём воду, возвращаемся. В пустоши задерживаться не будем.

— А если найдём? — спросил Мика.

— Тогда посмотрим.

Он выпрямился, забросил ружьё за спину и кивнул Дэйну. Тот отворил створку ворот, и они вышли за ограду.

Пустошь встретила их тишиной. Настоящей, плотной, какая бывает только перед рассветом, когда даже ветер ещё не проснулся. Под ногами шуршал песок, смешанный с мелкой галькой, и каждый шаг отдавался в этой тишине гулко, как удар. Марлоу шла за Дэйном, стараясь держаться на расстоянии вытянутой руки, и ловила себя на том, что постоянно оглядывается на лагерь, хотя тот уже растворился в предрассветной дымке.

Дэйн шёл впереди, но всё время помнил, что она сзади. Он слышал её шаги, её дыхание, иногда — шорох её одежды. Он не оборачивался, но знал, что если обернётся, то встретит её взгляд. И боялся, что не сможет отвернуться. Поэтому смотрел вперёд, на горизонт, и заставлял себя думать о задании. Но мысли снова и снова возвращались к ней.

— Далеко идти? — спросил Томас, когда они отошли на пару миль.

— Если не сбавлять темп, к вечеру будем у старого русла, — ответил Дэйн, не оборачиваясь.

— А потом?

— Потом — вдоль него на север. Там есть низина, где раньше били ключи. Если повезёт, вода ещё держится.

— Если повезёт, — повторил Томас с усмешкой. — В последнее время удача нас не балует.

Дэйн ничего не ответил. Он шёл легко, несмотря на рану, и Марлоу невольно отметила, что двигается он так, будто знает эту местность. Поворачивал точно у старых валунов, обходил рытвины, выбирал более твёрдую почву. Это могло быть просто опытом человека, привыкшего к пустоши, но ей снова стало не по себе.

Солнце поднялось быстро, и жара навалилась, как тяжёлое одеяло. Они сделали короткий привал в тени старой скалы, где ещё держался холод от земли. Марлоу раздала по глотку воды, и все пили молча, растягивая каждый глоток. Дэйн сидел чуть поодаль, прислонившись спиной к камню, и смотрел на горизонт. В его серых глазах не было ни усталости, ни тревоги — только та самая пустота, которую Марлоу заметила в первый день.

— Ты так и не рассказал, кто тебя ранил, — произнесла она, подсаживаясь ближе.

— Бандиты, — ответил он коротко.

— Какие?

— Те, что охотятся за одинокими путниками.

— И почему ты остался жив?

Он повернул голову и посмотрел на неё.

— Потому что умею выживать.

Марлоу выдержала его взгляд.

— В пустоши все умеют выживать. Но не все остаются живы.

Он не ответил. Только чуть усмехнулся, едва заметно, и снова отвернулся. Этот разговор напомнил ей, что перед ней не просто случайный беженец. Но выбора не было: либо идти с ним, либо вернуться ни с чем.

К полудню они вышли к старому руслу. Когда-то здесь текла река, но теперь осталось лишь широкое каменистое углубление, засыпанное песком и сухими ветками. Дэйн остановился, огляделся, присел, потрогал землю.

— Здесь, — произнёс он.

— Что «здесь»? — спросил Томас.

— Под слоем песка ещё есть вода. Нужно копать.

— Ты уверен?

— Уверен.

Томас переглянулся с Марлоу, но спорить не стал. Они достали лопаты и начали рыть. Песок был плотным, слежавшимся, и работа шла медленно. Марлоу сняла платок, обвязала им голову, чтобы не пекло затылок. Руки быстро покрылись ссадинами, но она не останавливалась. Рядом работал Мика, тихо ругаясь сквозь зубы. Дэйн копал молча, размеренно, и в его движениях было что-то механическое, как у человека, который делал это сотни раз.

Через час, когда яма стала по колено, он остановился.

— Чувствуете? — спросил он.

Марлоу опустила руку. Песок на дне был влажным. Она подняла голову, встретила с его взглядом.

— Вода близко, — произнесла она.

— Близко, — подтвердил он.

Они продолжили копать с новой силой. Вскоре на дне ямы начали проступать тёмные пятна, а ещё через полчаса появилась вода — мутная, с примесью глины, но настоящая. Мика вскрикнул, как ребёнок, и все на мгновение замерли, глядя, как влага медленно наполняет углубление.

Марлоу не позволила никому броситься к ней сразу.

— Пить нельзя, — резко произнесла она, выставив руку.

Мика замер, уже опустив ладони к воде.

— Почему? Это же вода, — пробормотал он, глядя на неё почти с обидой.

— В ней песок и глина. Сейчас она не убьёт, но завтра у тебя будет живот крутить так, что сдохнешь в дороге.

Она достала из мешка чистую тряпку, сложила её в несколько слоёв, натянула на горлышко пустой фляги и медленно зачерпнула воду из ямы. Та проходила сквозь ткань, оставляя на ней тёмные разводы, и стекала внутрь уже заметно чище. Марлоу подняла флягу, посмотрела на свет, потом сняла тряпку и, не торопясь, сделала маленький глоток.

Вода была тёплой и отдавала землёй, но после стольких дней жажды показалась ей почти сладкой.

— Теперь можно, — сказала она. — Но понемногу. И дать отстояться.

Томас молча наблюдал за ней, потом хмыкнул и повторил то же самое со своей флягой. Мика, насупившись, принялся процеживать воду для себя. Дэйн сидел у края ямы, не двигаясь, и смотрел на Марлоу. В его взгляде мелькнуло что-то новое — не удивление, а скорее молчаливое признание. Она знала, что делает.

— Ты предусмотрительная, — произнёс он негромко.

— Мне приходилось выживать, — ответила она, не поднимая глаз.

Он кивнул, словно этого ответа было достаточно.

Позже, наполнив все ёмкости и дав воде отстояться, они решили, что Мика вернётся в лагерь и приведёт людей. Марлоу помогла ему увязать фляги, проверила, чтобы ничего не протекало, и только потом отпустила.

— Иди по нашим следам, — сказала она. — Не срезай. Здесь есть старые ямы.

— Я помню, — ответил Мика.

Он попрощался и зашагал прочь, то и дело оглядываясь. Марлоу смотрела ему вслед, пока его фигура не растворилась в дрожащем мареве.

— Значит, идём дальше, — произнёс Дэйн, поднимаясь.

Она перевела на него взгляд. Он стоял, закинув мешок на плечо, и ждал. В его лице не было ни радости, ни усталости. Только спокойная готовность.

— Идём, — ответила она.

И они двинулись дальше — вглубь пустоши, туда, где, по его словам, вода поднималась к поверхности. Марлоу не знала, верить ли ему до конца. Но теперь у неё не осталось выбора, кроме как идти рядом и смотреть, чем закончится этот путь.

Они шли на север вдоль старого русла, и с каждым часом пустошь менялась. Сначала это были плоские, выжженные солнцем участки, покрытые потрескавшейся землёй, по которой ветер гонял песчаные струйки, похожие на змей. Затем начались невысокие каменистые гряды, изрезанные трещинами, в которых прятались сухие колючки и побелевшие от времени корни. Воздух стал суше, резче, он царапал горло при каждом вдохе, а солнце, добравшись до середины неба, превратило землю в раскалённую сковороду.

Томас шёл тяжело. Марлоу слышала его дыхание за спиной — хриплое, с присвистом, как у человека, который давно не ходил на такие расстояния. Он не жаловался, но всё чаще останавливался, чтобы поправить ружьё или перемотать платок на голове. Дэйн по-прежнему держался первым, выбирая дорогу, и, глядя на его ровную походку, Марлоу снова подумала, что рана, ещё недавно казавшаяся серьёзной, будто совсем его не беспокоила.

— Привал, — скомандовал Томас, когда они поравнялись с группой старых акаций, чьи стволы белели, как кости.

Они опустились в жидкую тень. Марлоу сняла мешок, стянула с головы платок, которым укрывалась от солнца, и прижала ладонь к затылку. Кожа горела, как после ожога. Дэйн сел напротив, скрестив ноги, и достал флягу. Пить не стал — просто держал её на коленях, глядя куда-то за горизонт, где небо дрожало от зноя.

— Далеко ещё до низины? — спросила Марлоу.

— Если не сбавим шаг, к закату выйдем.

— А если сбавим?

— Значит, заночуем в открытой степи. Там ветер гуляет, как хочет.

Он сказал это так спокойно, будто ночёвка под открытым небом была для него привычным делом. Возможно, так и было. Марлоу не знала, что ему пришлось пережить до того, как он оказался у лагеря, но что-то в его словах, в его манере смотреть на пустошь без страха говорило о том, что он провёл здесь не один день.

Они снова тронулись, когда солнце начало клониться к западу. Тени стали длиннее, воздух — чуть мягче, и идти сделалось легче. Вскоре русло, по которому они шли, начало углубляться, и на его склонах появились выходы тёмной глины. Дэйн остановился у одного из таких мест, присел, провёл пальцами по земле.

— Здесь глина мокрая, — произнёс он. — Значит, водоносный слой близко.

Томас, тяжело дыша, подошёл и тоже потрогал почву.

— Влажная, — согласился он. — Добрый знак.

— Ещё немного, — сказал Дэйн, выпрямляясь. — За следующим поворотом будет низина.

Марлоу смотрела, как он вытирает ладонь о штанину, и снова ловила себя на мысли, что он знает этот маршрут не по рассказам. Слишком уверенно он двигался, слишком точно указывал приметы, которых не видно с первого взгляда. Она ничего не сказала, но пообещала себе не сводить с него глаз.

Низина открылась им внезапно. Это была широкая впадина, заросшая жёсткой травой и камышом, среди которых блестели мелкие лужицы, покрытые зеленоватой плёнкой. В воздухе стоял запах сырой земли и тины, и этот запах показался Марлоу почти райским после бесконечной пыли. Она сделала несколько шагов вперёд, ощущая, как ноги проваливаются в мягкую почву.

— Здесь вода, — произнесла она. — Настоящая.

— Настоящая, — подтвердил Дэйн. — Но пить её нельзя без очистки. Это болотная влага.

— Значит, источник глубже? — спросил Томас.

— Да. Надо копать на краю низины, где грунт твёрже. Там подземный поток подходит ближе всего.

Они выбрали место под старым деревом, где земля не была слишком топкой, и снова взялись за лопаты. Копать здесь было легче — почва поддавалась, влага проступала уже на глубине полуметра. Когда на дне ямы заблестела вода, Марлоу снова заставила всех ждать.

— Процедим, — сказала она, доставая тряпку.

— Знаю, — отозвался Томас с усмешкой. — Не маленькие.

Вода здесь оказалась чище, чем в русле. После процеживания она была почти прозрачной, лишь с лёгким желтоватым оттенком. Марлоу первой сделала глоток. Вкус был другим — с лёгкой сладостью, как у дождевой воды. Она прикрыла глаза, чувствуя, как прохлада растекается по горлу.

— Хорошая, — выдохнула она.

— Значит, будем жить, — произнёс Томас.

Они наполнили фляги, напились и стали устраиваться на ночлег. Солнце уже почти село, и небо на западе налилось густым оранжевым светом, который постепенно переходил в багровый, а затем — в синий. Ветер принёс долгожданную прохладу, и Марлоу, сидя у костра, впервые за день почувствовала, как мышцы медленно расслабляются.

Дэйн разжёл огонь — ловко, из сухих веток и пучков травы, как будто делал это сотни раз. Марлоу смотрела на его руки, на то, как пламя отражается в его глазах, и думала, что за эти дни он так и не рассказал о себе ничего по-настоящему важного. Только имя. Только то, что его ограбили.

Он сидел у огня и смотрел, как она пьёт воду. Она закрыла глаза, и на её лице появилось выражение, которого он не видел раньше: не усталость, не тревога, а что-то почти детское, беззащитное. Он отвёл взгляд, но поздно — образ уже отпечатался в памяти. Он понял, что если не остановится сейчас, то уже не сможет. Но остановиться не получалось.

— Как ты узнал про это место? — спросила она.

Он не поднял головы.

— Один человек рассказал.

— Что за человек?

— Уже мёртвый.

Ответ прозвучал глухо, как удар камня о землю. Марлоу не стала продолжать расспросы. В пустоши у каждого было прошлое, о котором не хочется говорить, и она понимала это лучше многих.

— Завтра нужно будет пометить место, — сказал Томас, отхлёбывая воду. — Чтобы люди из лагеря нашли дорогу.

— Пометим, — ответил Дэйн. — Или просто приведём их сюда.

— Ты собираешься вернуться в лагерь?

— Посмотрим.

Марлоу перевела взгляд с одного на другого. В голосе Дэйна не было обещания. Только возможность, которую он оставлял открытой. Это тревожило её, но она не подала виду. Вместо этого она подбросила в огонь сухую ветку и стала смотреть, как искры улетают в тёмное небо, где уже начали проступать первые звёзды.

Ночь обещала быть спокойной. Но Марлоу знала: в пустоши спокойствие обманчиво. И потому, когда все начали устраиваться на ночлег, она оставила нож под рукой, а сама ещё долго сидела у костра, прислушиваясь к звукам, которые приносил ветер.

Глава 5

Утро в низине выдалось тихое, но беспокойное. Солнце только показалось над горизонтом, а воздух уже наполнился той тяжёлой, липкой духотой, которая предвещает долгий знойный день. Марлоу проснулась первой. Она лежала на жёсткой подстилке из сухой травы, накрывшись курткой, и смотрела, как над камышами поднимается лёгкий пар. Где-то рядом, в мокрой траве, стрекотали насекомые, и этот монотонный звук казался почти мирным. Но внутри у неё было беспокойно. Слишком тихо. Слишком хорошо для пустоши.

Она села, потянулась, разминая затёкшие плечи. Дэйн уже не спал — сидел на корточках у вчерашней ямы, из которой они брали воду, и что-то разглядывал на дне. Томас ещё лежал, завернувшись в старое одеяло, и дыхание его было тяжёлым, с присвистом. Марлоу поднялась, размяла ноги и подошла к яме.

— Вода поднялась за ночь, — произнёс Дэйн, не оборачиваясь. — Это хороший знак.

Марлоу заглянула. Вода в яме и правда поднялась и стала заметно прозрачнее. Края её больше не обваливались, а на дне отстоялся светлый песок.

— Значит, источник жив, — сказала она.

— Жив, — подтвердил он.

Она присела рядом, зачерпнула ладонью воду, поднесла к лицу. Та была прохладной и пахла свежестью. Марлоу смочила шею, виски, потом, не удержавшись, умылась. По коже побежали мурашки — то ли от холода, то ли от облегчения. Впервые за долгое время у неё появилась надежда, что всё может измениться.

— Нужно возвращаться, — сказал Томас, подойдя сзади. Он был помятый, с красными от недосыпа глазами, но настроен решительно. — Чем скорее приведём людей, тем лучше. Здесь вода, и нельзя, чтобы кто-то чужой нашёл её раньше нас.

— Ты прав, — ответила Марлоу. — Надо идти.

Они быстро собрались, затушили остатки костра, засыпали яму сверху ветками, чтобы её не было видно издалека, и поместили два ближайших дерева кусками выцветшей ткани. Дэйн делал всё молча, без суеты, и Марлоу снова поймала себя на мысли, что он словно делал это уже много раз. Но сейчас она не стала заострять на этом внимание. Слишком многое нужно было успеть.

Обратная дорога далась легче. Они шли по собственным следам, которые ещё не замело, и солнце, поднявшееся над пустошью, светило в спину, а не в лицо. Томас, казалось, приободрился: он шёл быстрее, чем вчера, и даже завёл разговор о том, как они укрепят лагерь, поставят новые фильтры, выроют колодцы у низины. Марлоу слушала его вполуха, а сама всё время смотрела вперёд, туда, где за дымкой должен был показаться лагерь.

Первое, что она почувствовала, — запах.

Он пришёл раньше, чем они увидели ограду. Гарь. Тяжёлый, сладковатый запах горелого дерева и палёной ткани, который плыл над землёй, как невидимый туман. Он забирался в ноздри, оседал на языке, заставлял сердце биться быстрее. Марлоу остановилась, втянула воздух и почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

— Ты чувствуешь? — тихо спросила она.

Дэйн замер рядом. Его лицо в одно мгновение стало чужим: скулы заострились, взгляд потяжелел, пальцы сами сжались в кулаки.

— Да, — ответил он.

Томас, ничего не понимая, сделал ещё пару шагов и тоже остановился.

— Что это? — спросил он, хотя ответ был очевиден.

Марлоу, не отвечая, бросилась вперёд. Она бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни и кусты, и в голове её билась одна мысль: только не это, только не это, только не это.

Лагерь был уничтожен.

Ограда, которую они столько раз чинили, лежала на земле, вырванная из песка, как сло- манная игрушка. Палатки сгорели дотла, остались только чёрные остовы, и в воздухе ещё висел едкий дым, который ел глаза и выжимал слёзы. Повсюду валялись вещи: разбитые горшки, разбросанная одежда, чей-то башмак, детская кукла с оплавленным лицом. И тела. Несколько тел лежали у ворот, скрюченные, обгоревшие, как страшные тени, которые не успели раство- риться.

Марлоу остановилась, не в силах сделать ни шагу. Ноги стали ватными, перед глазами поплыло. Она слышала, как где-то сзади тяжело дышит Томас, как Дэйн что-то говорит, но слова не долетали. Она словно оказалась под водой, и весь мир звучал глухо, неразборчиво.

— Марлоу! — голос Дэйна прорвался сквозь пелену.

Она не обернулась.

Медленно, как во сне, она пошла между развалин, зажимая рот рукой. Под ногами хру- стели угли и битое стекло. Где-то справа ещё тлела палатка, и от неё поднимался тонкий дымок, похожий на последний вздох. Марлоу прошла мимо, стараясь не смотреть на то, что осталось от их жизни.

У старого колодца лежал Мика.

Он был ранен, но жив. Увидев её, он попытался приподняться, опираясь на локоть, и лицо его исказилось от боли.

— Марлоу... — прохрипел он. — Они пришли... спрашивали про тебя... про карту...

Она опустила рядом, схватила его за руку. Ладонь у него была холодной и липкой, и Марлоу почувствовала, как внутри всё сжимается в тугой ком.

— Кто? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Люди Кросса, — выдохнул Мика. — Они искали тебя. И какого-то Дэйна.

Марлоу замерла. Она медленно повернула голову и посмотрела на Дэйна, который стоял в нескольких шагах, бледный, с белым лицом.

— Что он сказал? — переспросила она.

Мика закашлялся, изо рта у него потекла струйка крови. Он захрипел, завалился на бок, но Марлоу удержала его.

— Они говорили, что Дэйн предал их, — выдавил он. — Что он должен был привести их к тебе, но исчез. Они решили, что он обманул босса. И пришли сами.

В наступившей тишине было слышно, как трещат остывающие угли. Марлоу медленно поднялась. Она повернулась к Дэйну, и в её глазах не было ни слёз, ни ярости. Только ледяная, убийственная ясность.

— Это правда? — спросила она. Голос её звучал ровно, но в нём звенела сталь.

Дэйн не отвёл взгляда.

— Правда, — ответил он.

— Ты работаешь на Кросса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.